

ОУИ НБ МГУ №1713

Об альбоме «Мы из Гулага» и семейных фотографиях

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1713>

6 июня 2014

Собеседник

Левитская Надежда Григорьевна

Ведущий

Формозов Николай Александрович

Дата записи

Беседа записана 6 июня 2014 и опубликована 6 сентября 2017.

Введение

Это заключительная беседа с Надеждой Левитской. Она целиком посвящена ее фотоархиву. Первая часть — о фотографиях из альбома «Мы из ГУЛАГа», который Левитская составила вместе со своей старшей подругой Натальей Аничковой. В нем — портреты, имена и краткие биографические сведения о тех узниках советских лагерей, с которыми довелось познакомиться составителям. Это солагерники по Унжлагу, а также просто знакомые и родственники. Кроме того, в альбоме есть снимок театрального коллектива заключенных больницы Унжлага — в костюмах и гриме.

Во второй части Надежда Левитская показывает свой семейный альбом, рассказывает о своих родственниках и показывает их портреты.

Николай Формозов: Расскажите про историю этих фотографий, пожалуйста, и про альбом...

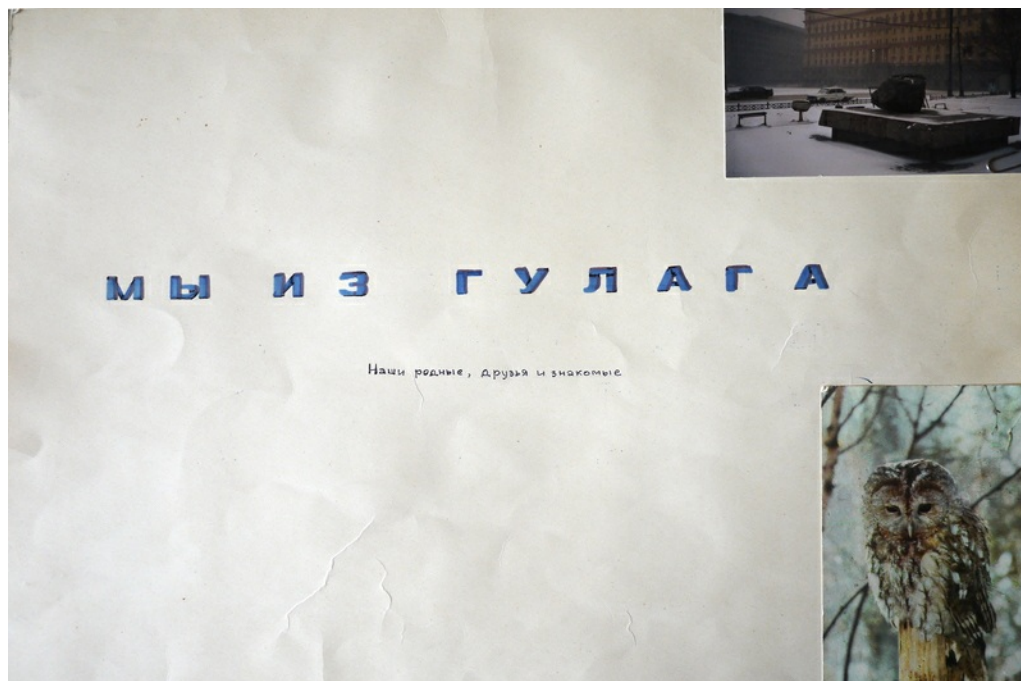
Надежда Григорьевна Левицкая: А, там... это ж наверное, там будет потом. Я же рассказывала, наверное про то, что мы устраивали выставки. Сначала это выставка была из наших фотографий... Когда мы с Наталией Милиевой наконец съехались, получили какую-то, возможность жить вместе, легально на Пироговке, то вот тогда нам как-то само собой пришло в голову, что надо бы пятое марта как-то специально отмечать. Просто вспоминать своих самых близких. У меня это был и дед, и отец, и мама, которые там погибли. Сначала рассматривали только тех, кто не вернулся. А у Наталии Милиевы там кругом все... У нее такой Василий Андрианович Аничков, ее дядюшка, он покончил собой, но покончил собой в ожидании ареста. Это было в Петрограде в самом начале 20-х годов. Кругом все, все были арестованы, на Дзержинского, там тогда в подвалах...

Н.Ф.: Ну, наверное, еще не называлось «Дзержинского», это Гороховая или?...

Н.Л.: Гороховая, да, Гороховая самая.

Н.Ф.: А почему сова-неясыть здесь сидит?

Н.Л.: А так, сова — мой тотем. *(Смеется.)* Вот видите, во-он там сова.

Обложка альбома «Мы из Гулага». Архив Н.Г. Левитской

Печальная сова. Печальная сова. Вот, и вот эта...

Н.Ф.: Да, но это уже современная...

Н.Л.: Это современная, сугубо современная. Ну, и, естественно, к нам в этот день кто-то приходил всегда. Так вот посмотрели, поговорили на эту тему. И тут Наталия Милеевна сказала: «Ну вот, давайте и вы в следующий раз, если у кого там что есть...» Вот этот вот Вася Касьянов так называемый...

Василий Александрович Касьянов — офицер царской армии. Неоднократно арестовывался. Расстрелян в Ленинграде на Шпалерной в марте 1930 г. Архив Н.Г. Левитской

Н.Ф.: Это копия с акварели, наверное, да?

Н.Л.: Это — нет, это подлинный рисунок сестры Крамского.

Н.Ф.: Сестры, да. То есть это какая-то разведенная тушь получается, не карандаш?

Н.Л.: Это я не знаю, этого я не знаю. И вот этот — Ваня Аничков, он еще...

Н.Ф.: Верхний третий, да, вот...

Н.Л.: Верхний, да, верхний. Он был расстрелян в Архангельске. Наталия Милюева ездила туда, но ее умные люди не пустили никуда. А там действовал какой-то страшный расстрельщик, который водил сына на эти расстрельные развлечения смотреть, да. И она потом даже лечилась, это на нее это страшно подействовало, потому что весь город был тогда вот такой...

Н.Ф.: А Архангельск — это там... там же было «белое правительство»...

Н.Л.: Да-да-да-да, после того, по-видимому, как оно ушло, вот тогда. Известно, этот расстрельщик известен, и то, что он водил ребенка на расстрельные действия, — это тоже известно, это где-то...

Н.Ф.: Это под Архангельском, архангельские лагеря?..

Н.Л.: Под Архангельском, да.

Н.Ф.: Потому что там был холмогорский этот... потом перминовский или... Еще такой, до Соловков еще там было еще три лагеря.

Н.Л.: Вот, и так постепенно там начали приносить люди что-то. Старались мы о каждом что-то такое узнать, и поэтому всегда подписывали это. И постепенно собралось довольно много фотографий. И так у нас уже получилось, что мы... У нас там было две комнаты, и мы заднюю комнату целиком отдали этой выставке.

Н.Ф.: То есть она была постоянная уже?..

Н.Л.: Нет, нет.

Н.Ф.: Только, только на 5 марта.

Н.Л.: Она обыкновенно была неделя до 5-го, неделя после 5-го. И приходили сначала только наши близкие друзья и знакомые, потом они приходили со своими друзьями. И уже образовался довольно большой круг...

Н.Ф.: С какого это года началось, когда первый раз была?..

Н.Л.: Я боюсь вам сказать, боюсь вам сказать, ну... Не знаю, это еще 60-е годы, наверное, были. Во всяком случае, когда мы жили у Ростроповича на даче, то Александр Исаевич уже знал это, и он нас отпустил на это время... Тогда вместо нас там, на даче, жила такая Мария Викентьевна Тухачевская с дочерью.

Н.Ф.: Понятно. То есть это до «Одного дня Ивана Денисовича» было уже, традиция эта возникла?

Н.Л.: Не знаю, не помню, не помню, просто не могу вам сказать.

Н.Ф.: Давайте посмотрим...

Н.Л.: А потом мы стали там же выставлять всякие тексты соответствующие, стихотворения. Я знаю, что у нас там был и Шаламов, и Ахматова. Многие были безавторские, а потом, когда уже стало... в годы перестройки...

Н.Ф.: Стихи.

Н.Л.: Да, стихи были. Вот Владимировой, в частности, были стихи. А потом уже выяснилось, что существуют авторы. Но это уже много позже, когда уж мы даже и не устраивали. Когда подобные выставки... Первая была... Какой-то завод был, где устроили огромную выставку...

Н.Ф.: А, это... «Неделя памяти», кажется, это называлось. Это где-то... Да, это, я думаю, восемьдесят... осень 88-го года.

Н.Л.: Ну, может быть.

Н.Ф.: «Мемориал» устраивал тогда. И там стояла... Это какой-то клуб...

Н.Л.: Тачка стояла.

Н.Ф.: Тачка стояла... клуб какого-то завода. Да, интересная выставка, да, да.

Н.Л.: Вот-вот-вот. А потом стало и везде уже, там, где-то, в каких... в институтах во многих, во многих местах стало, так что... и у нас она постепенно поэтому сошла. А потом мы там еще выставляли справки об освобождении, справки о реабилитации. Что еще было? Да, потом у меня есть несколько писем моей матери из лагеря уже.

Н.Ф.: Вашей мамы?

Н.Л.: Да, да. И вот я эти письма туда тоже выкладывала. Вот это как раз действовало очень сильно. Она из Кировской пересылки писала мне и еще откуда-то. Но она писала не мне, она писала на адрес... Вот здесь, с этой стороны, наверное... наша великая помощница Татьяна Борисовна Букреева... Мама думала, что Татьяна Борисовна перешлет мне, а она не пересылала мне.

Н.Ф.: Чтоб не пропали или...?

Н.Л.: Именно боясь, что это пропадет. И отдала мне их, уже когда я освободилась. В первый же год, когда я была в отпуске, я поехала в Киев и была у Татьяны Борисовны. Она мне все отдала. Но вот здесь вот посмотрите, что...

Н.Ф.: Записано все, да?

Н.Л.: Все записано: кто, арестована тогда-то, освобождена тогда-то, реабилитирована тогда-то. Вот это наша фотография сразу после выхода из лагеря. Это какой? 3-й номер, Аничкова, конец 57-го года. Обе реабилитированы, но обе еще бездомные. А это Александр Исаевич фотографировал меня на балконе дачи Ростроповича.

А это те, кто вместе с нами сидел. Вот эта моя благодетельница и спасительница в лагере. Она мне в первые же дни моего пребывания там взяла... не знаю, почему, взяла меня под свою опеку. Она была старая лагерница, она уже сидела седьмой год из своей десятки и... Все могла, все умела!

Ольга Кондратьевна Башко, до ареста пела в хоре. Арестована после войны во Львове. Унжлаг. Осуждена по статье 58-2 — подготовка вооруженного восстания — у нее нашли произведения украинских историков-националистов, оставленные уехавшим жильцом в закрытом шкафу. Освобождена в 1955 г. Жила во Львове. «Такой Ольга Кондратьевна была в лагере, когда я познакомилась с ней в конце 1951 г. Она заведовала ОП («отдых производственников»), куда меня отправила бригадир Женя Герман — гуцулка из Буковины, еле грамотная, но мудрая, а при случае крутая женщина лет сорока, отсидевшая полсрока». Архив Н.Г. Левитской

Н.Ф.: И это все она же, да?

Н.Л.: Это все она. Это она уже освободившаяся.

Н.Ф.: А это она до ареста.

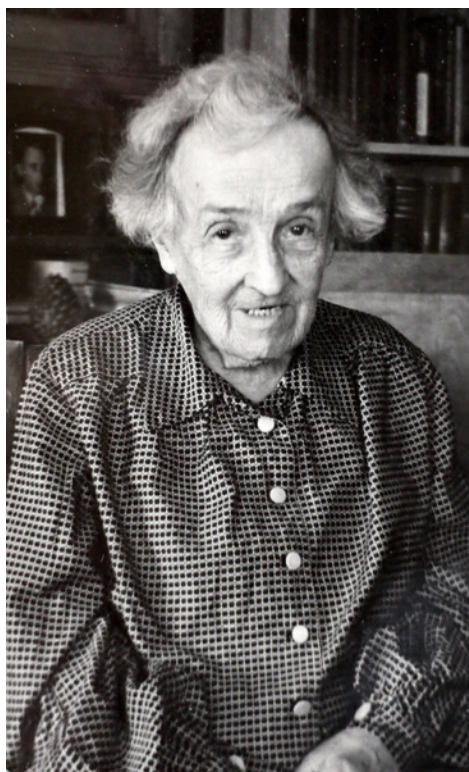
Н.Л.: Нет, нет, она девочка... Ее арестовали девочкой совсем. А это она в Омске, причем каторга продолжалась дальше, потому что она в этом самом Омске работала на... каком-то сибирском заводе, работала в каком-то горячем цеху. Это же страшная работа. Она рано умерла.

Н.Ф.: А вот это кто?

Н.Л.: Это такая вот Ольга Кондратьевна Башко, львовская... она певица, она пела во львовских театрах. И наивности невероятной! И села она — у нее была статья 58-2. Никто не знал, что это такое. А она была такой какой-то невероятной кротости человек, деликатный во всем поведении. И мы потом узнали, что 58-2 — это подготовка к вооруженному восстанию.

Мы прямо все буквально катались от смеха. Замечательная была женщина. Она уже была сильно немолодая, была она заведующей отдыхом производственников. И я туда попала, и потом ее этапировали в больницу, и там она рассказала обо мне Наталии Милиевне. А нас там было с гулькиным нос русских, настоящих. Она-то украинка, но она говорила превосходно по-русски, как до революции говорили, как наши эмигранты говорили. А остальное же, вы не можете себе представить, какой это был волапюк, который вокруг меня был. И поэтому каждый человек, который по-настоящему знал русский язык, — это была радость и достижение.

Вот Марию Лукиничну Тицнер я не знала, но с ней очень-очень дружила Наталия Милиевна. Она работала переводчиком с каким-то немецким инженером, который участвовал в строительстве Филевского завода авиационного. И когда он уехал, ее посадили. И сначала она была где-то, чуть ли не на Соловках. Это было очень рано, очень рано, в 30-х годах. А с нами она сидела уже, значит, в 50-е годы.

Мария Лукинична Тицнер — переводчица при немецком инженерере, который строил Московский авиационный завод в Филях. Арестована после его отъезда —1930-е гг. Соловки, потом Унжлаг. Освобождена в 1954 г. (?) в инвалидный дом, потом разрешено переехать к друзьям в Казахстан. Архив Н.Г. Левитской

Н.Л.: Вот она, можно сказать, полжизни просидела там, и когда уже начали отпускать, ехать ей было абсолютно некуда. Сначала она была в каком-то там, по-моему, инвалидном доме, потом ее пригласил к себе один из тоже бывших заключенных, который здесь с нами же в лагере сидел. А это лагерная фотография, она со своим любимым котом. Мария Лукинична Тицнер.

Н.Ф.: А вот эта?

Н.Л.: Эта вот эта же, Ольга Кондратьевны. Это со мной сидела вместе Евгения Ефремовна Плотникова, вот она Плотникова, преподавательница немецкого языка в Таганроге.

Н.Ф.: Ольга Ивановна Слащева это...

Н.Л.: Где?

Н.Ф.: Салищева то есть.

Н.Л.: Салищева, да. Я с ней... нет, это вот бухгалтер, вот. Они с Наталией Милиевной учинили надо мной такое вот насилие. Я там училась... уже в больнице, училась... меня послали сразу же на курсы медсестер... были у меня экзамены, и они решили с Милиевной, что ой, ой... — пришло извещение, что умерла моя мама — что как же они мне скажут, вот, и вдруг я, там, провалю эти экзамены! И не сказали. И потом не сказали. И потом не сказали. И так до самого освобождения. И сказали мне уже, когда мы... Вернее, Наталия Милиевна сказала это мне, когда мы уже были свободны, когда мы поехали в Питер. И я была у своих родственников, и там разговоры всякие, что, вот, что я сейчас сразу буду делать (а мы только что освободились, месяц тому назад и поехали в Питер). Что вот мне в первую очередь надо узнать, что с моими родителями, потому что я не знала ни про папу, ни про маму ничего. И тут Наталия Милиевна расплакалась и сказала, что мама умерла тогда-то, но что они с Ольгой Ивановной это таким макаром решили.

Н.Ф.: А вот это еще, вы не рассказали про эту фотографию.

Н.Л.: Эту я практически не знала эту Анну Михайловну Михайлову. Ее знала Наталия Милиевна. Это вот Ольга Кондратьевна там, в лагере, а это она уже дома.

Н.Ф.: А в лагере были какие-то официальные фотогалы у вас?

Н.Л.: Нет, это все как-то...

Н.Ф.: Подпольно как-то, да, делалось?

Н.Л.: Ну да, какой-то... каким-то «левым» способом. К нам приезжал какой-то фотограф для чего-то, для кого-то

фотографировать, ну, и кто мог, тот...

Н.Ф.: А вот хорошая.

Н.Л.: Вот, здесь вот... Владимира Александровича я, считайте, что не знала, но его очень хорошо знала Наталия Милеевна, потому что когда она из Питера бежала в Москву после смерти всех ее родных, то она сбежала к его сестре.

Владимир Александрович Васильев. Арестован после войны — украден из Западного Берлина. Архив Н.Г. Левитской

Н.Ф.: То есть она его знала еще до революции, видимо, да?

Н.Л.: Да-да-да-да. И жили они тогда на так называемой «вышке»: это дом на углу Воздвиженки и, вот, улица называлась Грановского, я не знаю, как...

Н.Ф.: А, ну, да, она...

Н.Л.: Сейчас Шереметева.

Н.Ф.: Бывший Шереметьевский, сейчас называется Романов переулок.

Н.Л.: Романов, ну, аллах с ним, пускай будет Романов...

Н.Ф.: Да, ну, это вы имеете в виду в Шереметьевском доме?

Н.Л.: Да, да. На самом верху! Вот, жила семья, куда Милеевна приехала и там они и жили...

Н.Ф.: Это где как раз вас какая-то пожилая дама спрашивала...

Н.Л.: Да-да, где, где эти самые (смеется)...

Н.Ф.: Ваши имения. В какой губернии ваши имения.

Н.Л.: ...были имения моих родителей, да.

Н.Ф.: А он... Какая его судьба? Вот тут написано...

Н.Л.: Его украли в Берлине, именно украли, выкрали. Силком запихнули в машину и увезли.

Н.Ф.: А он остался жив, он освободился?..

Н.Л.: Он был освобожден, да, потом, но я даже не помню, видела я его или нет. Он на Соловках был...

Н.Ф.: А это Милеевна с кем?

Н.Л.: А это не Милеевна, это две сестры, внучки одного из Брюлловых, но не художника, а архитектора, Карла Брюллова.

И всю жизнь советскую они были по всяким ссылкам.

Н.Ф.: Да, то есть они именно в ссылках жили.

Н.Л.: Именно в ссылках жили все время, все время. А Наталию Милиевну они знали с детства. Там было такое знакомство: отец Наталии Милиевны был гласным Петербургской Думы, и в качестве такого он организовал школу для девочек-сирот. И нужны были... Это не школа, это такой интернат для девочек-сирот со школой. И нужно было искать преподавателей. Денег никаких не было, так что надо было искать таких, которые достаточно состоятельные и достаточно знающие, чтобы...

Н.Ф.: ...преподавать без зарплаты.

Н.Л.: Без зарплаты, да, и вот они обе как раз были преподавательницами этой школы, поэтому Милиевну знали с возраста «под стол ходящей». И поэтому когда они попали в такую беду, что они все время были где-то в ссылках, Милиевна к ним несколько раз ездила. А у нее было такое тогда (*смеется*)... Немного она поработала на советскую власть. Она работала только зимой. Как только брезжила весна, Петр Петрович, муж ее, говорил: «Ну что, сапоги доставать?» Доставал ей сапоги, и она отправлялась куда-нибудь в дальние места ко всяким кто сидел. И вот к этим самым брюлловским старушкам, как они у нас назывались, она несколько раз ездила, в частности ездила в Тотьму. Где-то у меня есть несколько картинок оттуда, листочки.

Н.Ф.: Они, они были художницами?

Н.Л.: Нет, они не были художницами, но там у них все время кто-то из окружения был...

Н.Ф.: Понятно. А это фотография какого времени? Вот эта вот.

Сразу после освобождения

Н.Л.: Это уже, вот, когда они жили в Ростове Великом, и когда Милиевна должна была освобождаться, то в Москву, хоть ее арестовали в Москве, ей возвращаться нельзя было, и она должна была куда-то поехать в провинцию, должна была прописаться. И вот она выбрала Ростов Великий и уехала из Москвы. Как раз через неделю после нее я освободилась... Она ночевала у Екатерины Александровны вот в этом «шереметьевском» доме. А там ходили только через задний ход, через черный ход, и через дворик, в который с другой стороны выходил тоже такой какой-то задний ход магазина-распределителя, куда ходили все эти цеховские и прочие за своими пайками. И поэтому там «топтунов» было не счесть. А освободились мы так, что я приехала в Москву 5 ноября. Сами понимаете, что перед праздниками тут этих самых «топтунов»...

Н.Ф.: Они все берут свои «заказы» перед праздниками, да, там целые батальоны стояли.

Н.Л.: Да, поэтому мы с Милиевой посоветовались и поехали сразу в Ростов. И провели там, надо сказать, совершенно — вот, я до сих пор вспоминаю — блаженные десять дней! Причем в условиях, теперь абсолютно немыслимых: это домик рядом с кремлем, то ли XVII-го, то ли XVI-го века, такой наполовину вросший в землю на самом берегу озера.

Н.Ф.: Деревянный.

Н.Л.: Нет, каменный. Каменный домик, и он уже буквально утоп в земле. Выходишь — и вот рядом, вот прямо здесь озеро шелестит. Была большая комната со сводами, и все здесь: кухня, и санузел, и все... все прочее.

Н.Ф.: И там жили две вот эти вот...

Н.Л.: Да, и мы еще.

Н.Ф.: И вы еще, да, вчетвером. Хорошо.

Н.Л.: Вот. И, помню, Милиевна должна была прописаться, а тут праздники всякие, все закрыто было. В общем, прожили мы там десять дней. Я помню, как мы не могли в себя прийти — только что, только что... уехали из...

Н.Ф.: А какие-то деньги вам дали все-таки на руки, когда вас освобождали?

Н.Л.: Только на дорогу, чтоб доехать до места, которое было обозначено у нас.

Н.Ф.: То есть никаких заработков, никаких зачетов?..

Н.Л.: Нет, заработки какие-то там были...

Н.Ф.: Какие-то копейки все-таки платили.

Н.Л.: Ну, там какие-то копейки были. У Милиевны вообще никаких не было, потому что она числилась в инвалидах, я так думаю. Я сейчас не помню, но думаю, а у меня было... Но это всё...

Н.Ф.: А как люди первое время обходились, когда они возвращались? Кто мог помочь?

Н.Л.: Как говорится, «таки плохо». Нет, кто-то там какие-то деньги давали, но такой минимум миниморум, что надолго это не могло хватить.

Возвращение в Москву. О брате

Н.Л.: Ну, во всяком случае. Когда мы оттуда, из Ростова вернулись, уже Милюева вот эта десятилетняя сестра, к которой она приехала туда, в Шереметьевский дом, она уже нашла мне место, где я смогу прописаться...

Н.Ф.: А вас все-таки прописывали...

Н.Л.: А я могла... я освобождалась по амнистии и поэтому без реабилитации, но могла ехать куда угодно.

Н.Ф.: И без «минуса»?

Н.Л.: Без всяких «минусов». Но... разрешать-то разрешили, а куда деваться? И тогда был вопрос: куда мне ехать? Где родители — неизвестно, брат как раз только что освободился, пытался поступить в Хабаровске... (Ему не разрешили восстановиться в ленинградском институте железнодорожного транспорта, он был уже на четвертом семестре там, когда его арестовали, а ему надо было поступать, и разрешили только в Хабаровске.)

Н.Ф.: Но брат был реабилитирован или тоже?..

Н.Л.: Нет, нет, тоже... Он освобождался по так называемым «двум третьим».

Н.Ф.: А, по зачетам этим.

Н.Л.: Нет, это, вот, если ты отсидел две трети и не имел никаких нареканий...

Н.Ф.: То, что сейчас называют УДО, да?

Н.Л.: Ну, наверное.

Н.Ф.: Условно-досрочное.

Н.Л.: Условно-досрочное освобождение. Вот, так что он мог ехать, теоретически, куда угодно, но, чтобы поступить в тот институт, в который он хотел, он...

Н.Ф.: Пришлось в Хабаровск.

Н.Л.: Так он всю жизнь и прожил там, и очень хорошо, надо сказать.

Н.Ф.: Ну, хорошие у него дети, и он женился там, я так понимаю.

Н.Л.: Женился он не там. А он поехал сдавать, не сдал первый раз, вернее, не набрал...

Н.Ф.: В Хабаровске?

Н.Л.: В Хабаровске, да, вернулся опять в Норильск, поступил в ту же шахту, в конструкторское бюро, где он до того заключенным работал. И вот там он женился.

Н.Ф.: На норильчанке, получается.

Н.Л.: Нет, она приехала из Черногорска. Это Алтай был, где сейчас наводнение было¹. И прожили они, вот, всю жизнь в мире и согласии до самой его смерти.

¹ Наводнение в Алтайском крае произошло в конце мая 2014 г. Погибли шесть человек. См.: <https://www5-tv.ru/news/85020/>

Н.Ф.: Замечательно, да

Н.Л.: И она, надо сказать сейчас каждый раз в его день смерти, день рождения, еще какие-то дни она пишет мне: «Была в церкви, заказала то-то, то-то, то-то. Была на кладбище, отвезла то-то. Сходила в институт, отнесла им... еще, там, какие-то пироги, еще что-то, чтобы помянули». Уже прошло больше десяти лет.

Н.Ф.: Ваш брат был верующий человек?

Н.Л.: Я не знаю. Думаю, что да, думаю, что да. Он был достаточно... такой интроверт. Не разговаривал на эти темы. У него под левой грудью была яма. Он когда приезжал ко мне когда на Пироговку, и он жил у меня по три месяца на этом, по повышению квалификации. И как-то, помню, пришел из этого, из ванной, раздетый, только в одних брюках. Я говорю: «Что это у тебя за дырка здесь?» — «А!» Никогда не рассказывал, что это... постепенно, каким-то образом уже как-то узнала, что это... В общем, это была... какая-то уголовница его пырнула ножом.

Н.Ф.: Уголовница? Женщина?

Н.Л.: Женщина. Буфетчица.

Н.Ф.: Буфетчица.

Н.Л.: Вот, и он попал в больницу. Сказал, что это он сам, и после этого урки его сильно зауважали, что никого, никого не выдал, все, все взял на себя.

Н.Ф.: Так что, какая-то была сцена ревности, что ли, или что это такое?

Н.Л.: А я не знаю...

Н.Ф.: Не обсуждалось. Ну, женщина, довольно странно, чтобы женщина на мужчину нападала с ножом.

Н.Л.: Ой, господи! Что такое и не делалось!

Другие фотографии в альбоме

Н.Ф.: Давайте другие посмотрим фотографии. Здесь, вот, еще есть...

Н.Л.: Реформатский, да.

Н.Ф.: Вот это он, да?

Н.Л.: Да. Вон там есть его картинка из лагеря в Норильске. Не в Норильске — в Долинке. Он попал очень рано, тогда, когда с Чайновым сажали агрономов.

Михаил Александрович Реформатский. Арестован первый раз в 1930 г. по делу Чайнова. Осужден на 10 лет, отбывал в Долинке. Второй раз арестован в 1938 г. Расстрелян в Орле

Н.Ф.: Да-да, по делу Трудовой крестьянской партии.

Н.Л.: Я не знаю. Во всяком случае...

Н.Ф.: Но если с Чайновым, то это...

Н.Л.: Это было... Чайнов, Кондратьев... Он был агрономом, большой друг Наталии Милиевны, так что когда его... Сначала его держали в Долинке, потом выпустили, потом опять посадили. Был он в Мценске — в Мценске его арестовали, из Мценска перевезли в Орел. И вот Наталия Милиевна поехала туда, но уже он был расстрелян, и ее эти люди, у которых она была...: «Даже нечего ходить, поезжай назад, чтобы хуже не было».

Н.Ф.: Вот эта фотография чья?

Н.Л.: Эта фотография какого-то тоже родственника Наталии Милиевны. Он был инженером, работал с Бочкиным

Н.Ф.: Не знаю Бочкина, не знаю, кто это.

Н.Л.: Не знаете? Это главный инженер на всех наших больших станциях... электростанциях, вот, на Енисее, там еще где-то. И вот он с ним, как Бочкин уезжает — и он переезжает. Он убогий был человек, но имел высшее образование и работал он в бетонных лабораториях. Всегда говорил, что развалятся все эти наши «великие стройки коммунизма».

Н.Ф.: И тоже сидел в результате?

Н.Л.: Он сослан был всегда.

Н.Ф.: А вот эта?

Н.Л.: А это балерина, Милиежны знакомая, так что я не могу много сказать, вот. После убийства Кирова...

Н.Ф.: Нет, это вот, наверное, эта вот.

Н.Л.: А, это не то.

Н.Ф.: Это Лидия Яковлевна Третьякова.

Лидия Яковлевна Третьякова — балерина. Арестована в Москве в 1938 г. Покончила с собой в 1942 г. в лагере в Коряжме на Вычегде. Архив Н.Г. Левитской

Н.Л.: Да-да-да, вот, Третьякова. Это до посадки лагерной, и она там покончила собой.

Н.Ф.: Эта фотография в лагере, да?

Н.Л.: Да...Вот.

Н.Ф.: Да... И вот эти две последние.

Н.Л.: Это тоже какие-то... какая-то родственница Наталии Милиежны. Была выслана в Муром, где умерла в 42-м году в возрасте девяноста лет. Причем она была уже тогда очень старая... И было, вот, известно, что ее на руках внесли в вагон, вот, чтобы она могла уехать туда. Тогда Ленинград буквально чистили.

Н.Ф.: 35-й год. Да.

Н.Л.: Жуть, что делалось! Мебель на улице стояла — это я своими глазами видела. Мягкая мебель стоит на улице, значит, людей заставляли освободить квартиру. Вот это для меня тоже очень значимый человек. Вот это, между прочим, западница и сидела за какие-то... Ну, в общем, вот здесь можно прочесть...

Н.Ф.: Написано, да. А какую роль она в вашей судьбе сыграла?

Н.Л.: Очень большую роль, потому что когда меня по великому благу и знакомству с Наталией Милиежной... Приехала на фабрику врачиха, чтобы комиссовать всех, и она завела меня за ширму якобы для осмотра и сказала: «Вот я тебе напишу, что у тебя там больная печенка, и если что, то ты будешь говорить, то-то, то-то, то-то и то-то. А я пришлю наряд, чтобы тебя забрали, перевели в больницу». И вот по первому наряду меня не отпустил директор этой самой — я тогда бригадировала на этой швейной фабрике.

Про Унжлаг

Н.Ф.: Это в Унжлаге была швейная фабрика, да?

Н.Л.: Ну, да, лагерную амуницию шили.

Н.Ф.: В Сухобезводном была эта швейная фабрика?

Н.Л.: Нет, это какое-то одно из подразделений... это был Третий лагпункт.

Н.Ф.: Потому что сейчас я пытался найти — это же огромная территория Унжлага, огромная! Это несколько районов!

Н.Л.: Тридцать лагпунктов было.

Н.Ф.: Тридцать лагпунктов. Лаготделений. Или лагпунктов?

Н.Л.: Лагпункты это называлось.

Н.Ф.: Лагпункты, то есть маленькие.

Н.Л.: Да. Ну, маленькие — по три тысячи... на фабрике было три тысячи человек.

Н.Ф.: Вот, но это совершенно ничего. Единственное, что я узнал, что там по территории Унжлага теперь устраивают ралли на вездеходах, на этих вот джипах. Тоже вот развлечение для владельцев джипов: вот, доехал до такого-то лагпункта на вездеходе, доехал до такого-то... (*смеется*). Какие-то дороги остались, и они там устраивают...

Н.Л.: Я не знаю, какие там могут быть дороги, потому что там сплошная болотина была.

Н.Ф.: Ну там какие-то ведь были узкоколейки...

Н.Л.: А эти узкоколейки... «ус» — строили мы, не дай Бог!

Н.Ф.: Что «ус» строили?

Н.Л.: «Ус» называлось же называлась, узкоколейка называлась «ус». Да, от большой железной дороги.

Н.Ф.: А, что отходит в сторону, да?

Н.Л.: Там все передвижение на этих самых, на «лежневках» было, лежнёвая дорога. Так вот, привезли меня все-таки в больницу, ну, и буквально в первый же день главврач распознал, что никакого... ни печенки, ни селезенки нет, нечего тут болтаться, поезжай назад. А Вера Александровна, вот эта докторша, которая Милюевне покровительствовала, она ее уговорила, говорит: «Слушай, но ведь нет у нас грамотных людей!»

Н.Ф.: В больнице?

Н.Л.: В больнице, конечно, «для обслуживающего персонала, а сейчас курсы сестер проходят. Пошли ее на курсы — и в лабораторию». А в лаборатории была Маша, а по закону ее должны были по УДО отпустить, а ее не отпускали, потому что нечем было заменить. И при мне эта самая главврач, Галина Ивановна, сказала: «Вот научишь ее, тогда пойдешь домой». Ну вот, и Маша меня учила и научила.

Н.Ф.: А потом вы с ней общались еще?

Н.Л.: Потом она в Москве у нас была. И вот она веселая, певунья такая была! Вообще...

Н.Ф.: А ее нет в живых уже, да?

Н.Л.: Да, она умерла года два-три тому назад. Помогали мы ей, Фонд помогал ей, даже несмотря на то, что они на Украине... Она на Западной Украине жила.

Н.Ф.: На Украину многим посылали, по-моему.

Н.Л.: Да.

Н.Ф.: Многим посылали, да. Такого не было разделения, что там только...

Н.Л.: Нет-нет, ну, все равно посылали, да.

Н.Ф.: Тут с этой стороны тоже... А, здесь какая-то... А это вот целая такая... а про нее еще...

Н.Л.: А вот, вот... ну, это, это то же самое, что там по-русски... в местной газете. Она там во всяких мероприятиях участвовала до тех пор, пока могла ходить под конец она уже совсем...

Н.Ф.: А это кто?

Н.Л.: А это очень занятный персонаж. Это художница... Лариса Александровна Ланговая. Вот это ее картинка.

Лариса Александровна Ланговая — художница. Архив Н.Г. Левитской

Н.Ф.: А, да-да-да-да, где вы вдвоем в виде собачек.

Н.Л.: Это Милюева, нет, Милюева и Татьяна Константиновна Владимирова. Хорошая художница, все. И они с Милюевой дружили. А так говорилось всегда, что муж у нее какой-то, большой армейский чин. Потом оказалось, что этот самый Ланговой был одним из участников, если не организатором этого «Треста», помните, такой был?

Н.Ф.: Помню, помню.

Н.Л.: ...гэбэвский, КГБ...

Н.Ф.: Ну, когда Савенкова заманили, да?

Н.Л.: Я уж не знаю, кого они там заманили...

Н.Ф.: Это 20-е годы, да.

Н.Л.: ...но, во всяком случае, он был одним из этих... в «Тресте».

Н.Ф.: Ну, в общем, чекист.

Н.Л.: Вот-вот... А Лариса была такая себе, ну, дамочка, и все. И художница хорошая. И до того, как мы все это узнали... Когда они освободились и реабилитировали их, то он еще был вполне дееспособен.

Н.Ф.: Он тоже сидел?

Н.Л.: Да, но он сидел так основательно! Он где-то в Норильске был, еще где-то. Но потом освободили «подчистую» и квартиру им дали, и все. И он писал свои мемуары, не сидя у себя дома, а ходил куда-то туда...

Н.Ф.: Секретные были мемуары.

Н.Л.: И мемуары эти, он приходил, писал, у него все это забирали — и иди. И вот тогда-то мы все это и узнали. И он единственный коммунист, который был у нас в доме! (Смеется.) Но мы тогда...

Н.Ф.: Ему разрешалось приходить к вам.

Н.Л.: Нет, мы просто не знали всего этого!..

Н.Ф.: Просто не знали! Но потом не отказали ему, когда выяснили?

Н.Л.: Ну, а потом... мы не были настолько близки, а потом он тяжело-тяжело заболел, причем у него была такая вот болезнь: у него были слабые мышцы, он не мог ничего, в руках даже ложки держать не мог.

Н.Ф.: Это что-то типа рассеянного склероза или что-то вроде...

Н.Л.: Я не знаю, как это называется, но во всяком случае была очень... Поэтому, когда они получали квартиру, то они просили на первом этаже, потому что никак он тогда выходить не мог.

Н.Ф.: Понятно. А вот еще тут что-то интересное.

Н.Л.: А это очаровательная такая Мария Александровна. Там ее сын, к которому я не благоволю.

Н.Ф. (*смеется*): А, понятно.

Н.Л. (*смеется*): Ну, и никак не вяжется сюда. Так вот, она сидела со мной и с Миливной вместе. Она работала в Ленинской библиотеке, она кандидат наук, специалист по западноевропейским литературам. И вот они в первый же год, в первое лето, когда я перезимовала, потом с одного такого штрафного ООПа нас перевели на сельскохозяйственный ООП, и вот там я с ней познакомилась — она в хлебозерке работала, очень блатная считалась работа. И они с Миливной мне на задворках бараков, можно сказать, читали лекции по русской литературе начала XX века. У меня от них... от Миливны целая толстая тетрадь [осталась]. Она и здесь стоит.

Н.Ф.: Ваших конспектов, вы конспектировали?

Н.Л.: Никаких конспектов!

Н.Ф.: А, стихи, стихи!

Н.Л.: Стихи!

Н.Ф.: Стихи, вы показывали мне, да.

Н.Л.: Стихи. Все наизусть, там все эти и Гумилевы, и Цветаевы, и Ахматовы.

Н.Ф.: А там не подписано было, что Гумилев или подписано?

Н.Л.: Ну, все подписано.

Н.Ф.: А как на обысках не отбирали гумилевские?..

Н.Л.: Так это уже... когда... Ну, а что, господа, кого... что... Вы думаете, они знали хоть одну эту фамилию?

Н.Ф.: Нет, но я помню, что, вот, в «Круге первом» там появляется томик Есенина, вот...

Н.Л.: А! Томик Есенина, вот Есенина они знали, нет, а это...

Н.Ф.: ...а Гумилева не знали, да?

Н.Л.: Да нет! Ну, потом, господа, стишки, там, какие-то.

Н.Ф.: А вот еще очень хорошая фотография.

Нина Герасимовна Шпавалова. Арестована в 1949 г. Освободилась в 1954 г. Фото 1960 гг. Архив Н.Г. Левитской

Н.Л.: Это хорошая фотография. Эта женщина сидела с Наталией Милюевой вместе сначала в одной...

Н.Ф.: Это кто, кто?

Н.Л.: Нина Шаповалова, Нина Герасимовна Шаповалова. Она была студенткой. Я даже не знаю, был там этот кружок или не было этого кружка, но, всяком случае они ее загребли и мужа ее загребли. Но он-то ничего, ни сном, ни духом ничего не знал, так что она себя чувствовала всегда страшно виноватой, что из-за нее его арестовали. Ну вот, а потом освободилась и они вернулись. И это она и вот это она уже с ребенком. Радость жизни. Опять они на Север ездили. Они нам все маршруты северные давали. Мы очень им благодарны были. А потом, когда муж умер, она как-то совсем скисла...

А это еще одна моя благодетельница совсем другого сорта. Она немка из низовий Днепра. И там работала сестрой в туберкулезном корпусе. У нее было тяжелое-тяжелое...

Н.Ф.: В Унжлаге работала?

Н.Л.: В лагере, да. А попала она туда, потому что, когда пришли наши, она лежала в немецком госпитале как фольксдойче, я не знаю там ... А это все ее родные, которые все сидели. Все сидели, а молодые уже потом жили в ссылке так называемой «под комендантом», под комендатурой. И потом с превеликими трудами на восьмой раз, после восьмого заявления ее в конце концов выпустили. Как они ей сулили, до чего же ей здесь хорошо будет и как они все ее любят, вызывали, собирали целый такой синклит всех: всяких партийных руководителей, и профсоюз, и парторги, и профорги, и кого только не было! И все говорили: «Ну зачем ей туда ехать!».

Н.Ф.: То есть не третируют, а уговаривали?

Н.Л.: Уговаривали, чтобы она больше не подавала никаких заявлений. Ну, хороших, грамотных, честных бухгалтеров было не так много. Она работала бухгалтером. С самого начала, когда ее отпустили, она очень боялась ехать к своим родным — они были «под комендатурой», а у нее паспорт был, а это такая драгоценность! Ну, паспорт у нее, слава Богу, не отобрали. С тем, как она освобождалась — это был анекдот. Местный кум лежал в больнице, здесь же, на лагпункте, только на лагпункте и была больничка такая маленькая. И прибежали из канцелярии и сказали ему доложить, что Кригер вызвали на освобождение: «Не может этого быть! Она двадцатипятилетняя! Не может этого быть». Ни за что ее не хотел (*смеется*)...

Н.Ф.: Отпускать не хотел, да?

Н.Л.: Ну, все-таки отпустили, и она поехала. У нее все родные были где-то в ссылках или вот «под комендатурой» и прочее.

Н.Ф.: Но это до аденауэрской до всякой амнистии ее освободили, то есть просто она, видимо, писала как-то...

Н.Л.: Нет, нет, нет, именно с «аденауэрской»...Уже в 50-е... Она на год раньше меня вышла, значит, я в 55-м, она в 54-м.

Н.Ф.: И все-таки она подписала, что она никакие... нигде не работала у немцев...

Н.Л.: Всюду она работала!

Н.Ф.: Работала?

Н.Л.: Ну, а... а интересно, а как можно было жить?

Н.Ф.: Нет, но может она... у них хозяйство было свое.

Н.Л.: Ну, не знаю. Во всяком случае, она этого не скрывала. Потом, говорю, лежала в немецком...

Н.Ф.: Но ее сразу же и реабилитировали, да? Вы говорили, паспорт дали.

Н.Л.: А паспорт давали... И мне паспорт дали. Да, ее, конечно, реабилитировали... Я не знаю, потому что ехала она в эту <нрзб>... И потом она с большим трудом перебралась к своему брату в Казахстан, а уже оттуда... вот там ее уговаривали не ехать. А это уже там, вот это все уже там.

Н.Ф.: А это она, в платочке? Нет, она вот, в шапочке.

Н.Л.: Вот это она. А здесь тоже вот она, это я и это тоже... А вот этот брат ее, ему было двенадцать лет, когда их освободили, и во время войны он нигде не учился, потому что негде было. А потом — по ссылкам, поселкам всяким — тоже не учился. Вырос — говорит по-русски и по-немецки, писать не может ни на одном языке.

Н.Ф.: Ужас какой.

Н.Л.: Ужас.

Н.Ф.: Ужас. А вы говорили, что у нее был туберкулез еще, да?

Н.Л.: У нее был туберкулез кости. Когда начались эти колхозные всякие эпопеи, то их, детей, гоняли куда-то далёко сено ворошить, и они там ночевали, ночевали прямо на земле, и с этого началось. И у нее начался остео...

Н.Ф.: ...хандроз? Остео...

Н.Л.: Ну, не знаю, в общем, со свищами.

Н.Ф.: Да, это очень страшная болезнь.

Н.Л.: В общем, у нее было вывернуто совершенно бедро. И постоянно она и потом в больницах лежала — вот здесь вот одна фотография, она как раз в больнице.

Н.Ф.: Это, это уже...

Н.Л.: У нас.

Н.Ф.: Вот здесь, уже после...

Н.Л.: Талды, Танды какая-то была такая...

Н.Ф.: То есть в Унжлаге уже?

Н.Л.: Нет-нет, это уже...

Н.Ф.: После, после освобождения.

Н.Л.: Но Катя все-таки туда поехала к этим своим родным... Это сестра и вот это сестра ее была со всеми многими детьми. Это в этом леспромхозе. А потом, когда начался отъезд немцев, Катя начала писать. Вот, и говорю, восемь лет она ждала, восемь раз. И ее в конце концов выпустили, хотя... Почему они ее не выпускали? Приглашает двоюродная сестра. Двоюродная — это вроде не...

Н.Ф.: Неправильно... мало еще... мало родства.

Н.Л.: Да. И вот она такая была перепуганная, что ее случайно отпустили, что ее вот-вот не пустят. Она каждый год приезжала ко мне, а тут приехала, прямо вся трясется: «Сегодня надо уехать, сегодня надо уехать!» А там надо еще что-то оформлять где-то. «Обязательно! Вот сегодня!» И в конце концов, действительно, и на сегодня и билет взяла и все! И уехала, и не дождалась даже... Вот этот брат, который-то... Ваня, вот, вот этот вот, должен был приехать, но он приехал позже и мы с ним поскакали туда, на аэродром, и нам сказали, что мы таких сведений не даем, кто там сидит, кто улетел. Вот улетела она или нет — они таких сведений не дают. Но в конце концов все-таки улетела. И там ей было необыкновенно. Всех послали в лагерь, такой вот специальный был лагерь, где их обучали немецкому языку, и там...

Н.Ф.: У них же немецкий совсем другой, у русских немцев.

Н.Л.: А у нее все было в порядке. Она знала и свой диалект и хохдойч — хороший немецкий язык, и поэтому ей сразу же дали квартиру со всеми тридцатью тремя удобствами, как полагается. А потом, через несколько лет она перешла в другую квартиру, потому что там уже было обслуживание — не надо было коридоров мыть или там... В общем, это не совсем инвалидный дом еще был, но все-таки уже что-то для инвалидов. А потом она перешла в инвалидный дом. И эта сестра страшно была против, что такой позор, такой позор, что столько родственников, и мы Катю отдаем в инвалидный дом!

Н.Ф.: Да. Домой не напишешь об этом, да, здесь не поймут.

Н.Л.: Вот. А я к ней потом каждый год ездила, когда стала ездить за границу, я к ней ехала в Австрию, а потом обязательно ехала в Германию к Кате. Я у нее была как-то, и она мне говорит: «Знаешь, я каждый божий день благодарю Бога, что я приехала сюда!»

Н.Ф.: И родственники успокоились, что ей там хорошо.

Н.Л.: Господи, там были какие-то...

Н.Ф.: А нога у нее... так всегда она и хромала, да?

Н.Л.: Да, она хромала, с палкой ходила. И она даже в этом инвалидном доме... А инвалидный дом роскошнейший! Это был бывший замок каких-то аристократов, и хозяйка — он частный был — хозяйка жила здесь же. Она жила на верхнем этаже, а все остальные этажи были заняты подопечными. Ну, по-видимому, сколько-то государство помогало, потому что у них забирали пенсию, но сколько-то оставляли и достаточно много на такие личные расходы. Так что она могла на почту или еще куда-то такси взять, если надо. А эта хозяйка еще мало того, что у нее этот старый замок был, так еще новые дома строила.

Н.Ф.: Для них же, для инвалидов.

Н.Л.: Да, да, для пенсионеров. И вот я к Кате приезжала, и она сначала заказывала и на меня, чтобы я могла целый день у нее провести, что там какую-то еду она и мне заказывала. Но еды столько, что там одной порции на двоих вполне хватает.

Н.Ф.: А какую же она роль в лагере в вашей жизни сыграла? Вы сказали, что большую сыграла роль и потом...

Н.Л.: Нет, в лагере она главным образом с Наталией Милюевой была. И она очень дружила потом с Марией Лукиничной Тицнер, с переводчицей. А то, что она потом... я к ней ездила постоянно...

Н.Ф.: Да, понятно. А в Австрию вы ездили, там было тоже какое-то лагерное знакомство или?..

Н.Л.: Нет, это совсем, это другая линия совсем моей биографии.

Н.Ф.: Понятно. Это все ее фотографии.

Н.Л.: Да, это все она и ее все родственники... И Аня смеялась: «Я, — говорит, — когда-то купалась в Тихом океане, а теперь я покупалась и в Атлантическом». (Смеется.) Это она на Колыме была. А тут в Германии ездила на какие-то курорты.

А это вот Ключевские, которые взяли к себе Марию Лукиничну, вот эту старушку, вот она. Они тоже сидели оба. Марию Акимовну я помню отчество, потому что отчество такое необычное, а как его отчество — не помню, убей меня бог! Это тоже Милюино знакомство.

Мария Акимовна и Павел Ключевские, учителя в Жолымбете (Казахстан) после лагеря. Архив Н.Г. Левитской

Н.Ф.: Знакомые, да.

Н.Л.: И тут же Елена Михайловна (*поправляется*) Елизавета Михайловна Данилова где-то должна быть.

Н.Ф.: Сейчас... Какой номер там? Сейчас мы по номеру. Пятый.

Н.Г. Левитская в гостях у Е.М. Даниловой в Алушке. Архив Н.Г. Левитской

Н.Л.: Пятый. Она была с нами там тоже вместе, но я с ней как-то мало контактировала, это тоже больше Мильнина знакомая. А потом, когда она освободилась, она жила в Алуште, по-моему. И мы к ней ездили. А я очень не любила... Несколько раз я была в Крыму, и каждый раз мне там как-то...

Н.Ф.: Жарко слишком?

Н.Л.: Да не знаю! В общем... Не знаю, в общем, Крым — это не мое, не мое, я люблю Кавказ: зеленый, пышный, с лесами настоящими.

А вот эта благотельница наша, она нигде не сидела, но это докторша, которая Милюевну опекала и меня вытащила туда, в больницу...

Н.Ф.: Это вот та, которая сказала как раз, что у вас печенка и запомни симптомы, да?

Н.Л. (*Смеется*): Да-да-да.

Н.Ф.: Молодец.

Н.Л.: Замечательная женщина была! И потом, когда уже мы освободились... Она очень помогла Милюевну освободить. У Милюевны была гипертония, но не такая... Там существует несколько... 1-я, 2-я, 3-я степень, что-то в этом роде. Освобождают тогда, когда у человека постоянное высокое давление. А у Наталии Милюевны было так: так (*показывает*) и так, так и так. То очень высокое, то низкое. И вот, когда приехала комиссия, комиссовочная, активировочная... Знаете такой термин хороший: «человека сактировали»?

Н.Ф.: Да.

Н.Л.: Ну вот, Вера Александровна пришла, померила давление — низкое: нет, нельзя пускать. Она, значит, всадила какой-то шприц, давление поднялось. Ой. И вот Милюевну вызвали... Наталия Милюевна рассказывает: «Верочка сидит на подоконнике, ножками болтает, а у самой все внутри переворачивается (*смеется*): Боже мой, загоню больную на тот свет» Ну вот, те померили, все, хорошо, освобождаем, значит, активировать. Вышла Милюевна в коридор, (*смеясь*) она говорит: «Магнезию сейчас!» — снова опять всадила, там, чего-то, чтобы снизить давление.

Н.Ф.: Ничего себе!

Н.Л.: Вот такие штуки. Вот это Галя Троцкая, она... я ее совершенно не знаю, это все Мильнино знакомство. А это все Ключевские. Благотельники, которые взяли из инвалидного дома, забрали Марию Лукиничну к себе. Так она у них и скончалась.

А это Татьяна Владимировна (*поправляется*) Татьяна Константиновна Владимирова, очень большой друг Миливны, а потом и мой, уже на свободе. Какое-то время я даже жила у нее, вернее, в ее квартире. Ее муж был из Одессы, из этой вот компании — там всякие Бабели и прочие, того времени. Но он был юристом, кончившим, и поэтому, когда произошла революция, и он попал в Москву, то он был здесь заместителем Вуля. Знаете, да? Он начальник московской милиции был...

Н.Ф.: Да-да-да, он Угрозыск, по-моему, да?

Н.Л.: Да-да. А... и вот этот самый Владимиров, он был создателем существующего по сегодняшний день криминологического музея, закрытого музея МВД. Ну, и когда Вуля посадили, расстреляли, и его посадили. Татьяну сначала не тронули. Тут как раз началась война, и она ушла добровольно на войну машинисткой. А печатала она на чем хотите, сколько хотите, хоть на русском, хоть на немецком, хоть на французском, потому что кончала она Институт благородных девиц, а это...

Н.Ф.: Машинопись там входила тоже, да?

Н.Л.: Да. И вот она... Нет, языки...

Н.Ф.: Языки, да.

Н.Л.: Языки она знала. И когда она освободилась, ее освободили так же, как Наталию Миливну, без права жить в Москве. А у нее здесь оставалась мать, и она ночевала дома. А тогда были лифтерши: с шести часов утра сидит лифтерша, и до двенадцати ночи. И вот она до шести должна была уйти. Она уходила из дома, шла в метро, и по кольцевой линии ездила до восьми часов. Потом шла к Шкловскому, с которым они были знакомы, по-видимому, еще по Одессе. И она у него работала и писала под диктовку на всех языках.

Н.Ф.: Шкловскому — литературоведу?

Н.Л.: Да-да-да-да-да. Вот, не очень светлая личность, но это... второй вопрос. Вот.

Н.Ф.: И потом ее надо было где-то до... после двенадцати находиться.

Н.Л.: Да, и до двенадцати ночи... Но у Шкловского она могла быть сколько угодно. А потом, после двенадцати она возвращалась домой. И так было, пока ее не реабилитировали, а это было, не знаю, с год, наверное, она так и жила. Веселая была жизнь.

Вот, а это театральный кружок, который был в лагере, в больнице, где Татьяна была в больнице медсестрой, причем у сифилитиков. А Миливна в том же корпусе была сестрой-хозяйкой.

Театральный самодеятельный коллектив З/К З/К-й больницы Унжлага. «Трактирщица» Гольдони. Начало 1950 гг. Во втором ряду слева направо Н.М. Аничкова в роли графа, З.М. Грецова, режиссер спектакля Ольга Альфредовна Стерлинг, Зоя Бандеровская, Т.К. Владимирова в роли кавалера. Архив Н.Г. Левитской

Н.Ф.: Тоже у сифилитиков?

Н.Л.: Да-да-да-да. Про нее урки, которые в основном там и составляли основной контингент, говорили: «Сестра-хозяйка у нас

ничего, ты только цветы не трожь!» (*смеется*). Наталия Милиевна все свободное время проводила где-нибудь на грядках с цветами. И они ставили там «Девушку с кувшином», «Снегурочку», еще там какие-то [спектакли]. А художником и, собственно, главным вдохновителем была вот эта Зина Грецова. Освободившись, она училась в институте, чтобы получить высшее образование, чтобы иметь законное право работать в школе — она до того работала «без закона». Это тоже анекдотическая персона. Жила она в Кадиевке, это Украина. Туда пришли немцы. Она была молодая, незамужняя. Вывезли ее так, как немцы вывозили. И оказалась она к концу войны в Берлине, причем в Западном Берлине. Но там существовала тогда такая торговля туда-сюда: в Западном покупали одно, продавали в Восточном, в Восточном что-нибудь другое. Ну, и ходила она туда-сюда. А там она себе уже и роман завела, уже с каким-то французом собиралась ехать во Францию. Но пока надо было как-то жить... Ну, и ее украл. Привезли в Москву и вlepили двадцать пять лет.

Н.Ф.: А за что? За невозвращение, что ли?

Н.Л.: А кто их знает! За что можно было людей вот так вот... Причем с первого мгновения, как она попала в лагерь, она начала писать заявления об освобождении. Сначала все как положено, в Верховный Совет, в суд, в Прокуратуру — ну, не знаю, куда. Потом отовсюду... вот получит отказ — опять пишет кому-нибудь другому. Получит отказ — и опять пишет. Каким-то знаменитым людям, ну, до кого хватало фантазии. И освободили ее по заявлению к московскому генерал-губернатору (*смеется*). Наталия Милиевна говорила: «Просто посмотрели, что такая дура — пускай бежит, — и освободили». А была талантливая художница. Потом, она училась заочно, приезжала сдавать сессию и жила у нас.

Вот это Сергей Викторович Воронцов-Вильяминов, Милиевны какой-то -юродный. Он даже не -юродный, ну, в общем, какой-то дальний родственник, свойственник. Он лет на десять старше ее был, учился в кадетском корпусе в Питере. Так как у него родителей не было, то Милютины родители каждый... Вернее даже, скорее, тетка, такая тетя Надя Вильяминова, он приходил к ней, а они жили в одном доме. Так что знакомство с того времени. Совершенно такой наивный, но милейший человек был. Как он говорил: «Я товарищу Сталину все каналы построил». Потому что он все время сидел. Он в конце концов дослужился там до какого-то младшего офицерского чина, ну, и по этому поводу его таскали без конца и без края.

Сергей Викторович Воронцов-Вильяминов. Арестовывался много раз как офицер царской армии — «строил все каналы», по его собственному выражению. Архив Н.Г. Левитской

Н.Ф.: А это он же?

Н.Л.: Он же, он же, он же, он же...

Н.Ф.: Это, видимо, в молодости, да.

Н.Л.: В Питере, в Питере. Нет, нет, нет. И это он, и это он. Очень мы его любили. Очень он был приятный человек.

Н.Ф.: А вот эта женщина, это кто?

Н.Л.: А это очень такая... Ну, это, вот, все она... Здесь у меня нет, по-моему, ее фотографии, они все у Наталии. Это тоже Аничкова Наталия Ивановна, десятиюродная какая-то сестра Милиевны, но они как-то достаточно близки были. Ее начали таскать сначала... Она была... училась в Ленинградском университете на географическом, наверное, факультете, а когда после [убийства] Кирова начали «чистить»... Даже раньше, наверное, нет, раньше, много раньше, еще в 20-е годы, когда начали «чистить от дворян», ее выгнали из университета, и всю последующую жизнь она таскалась: то в тюрьме, то в ссылке.

А был у нее брат, который эмигрировал. И там его подбила Таня Аничкова, художница, вернуться в Советский Союз нелегально. В общем, его сразу же загребли и расстреляли. А Наталию Ивановну без конца таскали — это было в 29-м году, — а ее таскали, что не было ли у нее связи...

Наталия Ивановна Аничкова. В середине 1920-х гг. исключена из университета как дворянка и выслана из Ленинграда. Сидела в тюрьмах в Красноярске и Иркутске, работала в заповедниках (Дарвинском). Реабилитирована стараниями Н.М. Аничковой. Архив Н.Г. Левитской

А у него никаких связей не было — он только перешел границу, его и загребли. А она с ним... В общем, она и не знала, где он, куда он делся. А она всю жизнь работала то в экспедициях каких-то таких вот водных, лимнологических. Там Верещагина много работала на этой Байкальской опытной станции. Потом где-то на Енисее, и там она и в ссылке была. А потом, в конце концов, осела в Дарвиновском заповеднике, вот там мы у нее несколько раз были бывали.

Н.Ф.: И муж у нее тоже сидел?

Н.Л.: Нет, не было, у нее никого не было. Она была совершенно одна и вот так она...

Н.Ф.: Это к ней возила Наталия Миливна «Архипелаг ГУЛАГ»?..

Н.Л.: Да, и увезла оттуда.

Н.Ф.: Потому что она отказалась.

Н.Л.: Нет, она не отказалась, нет... Я не помню, как это было, но знаю, что должен был хранить такой... Вячеслав Немцов.

Н.Ф.: А! Там, в заповеднике.

Н.Л.: Там. А он как раз отказался. А у Наталии Ивановны Миливна не... Я уже не помню, почему...

Н.Ф.: Почему не у нее хранила.

Н.Л.: Почему не у нее... Может, потому что Наталия Ивановна была абсолютно одинокая, не знаю... Я не буду фантазировать, не знаю. А вот это все тот же Сергей Викторович, и тут такой Николай Иванович Маликов. Он тоже сидел, но я ничего не знаю.

Н.Ф.: Из Питера тоже, да?

Н.Л.: Нет, он жил, во всяком случае, в Москве, когда я его застала. Это одни из немногих, кто нас с Миливной посещал в Борзовке, у Александра Исаевича.

Н.Ф.: А, это как раз в Борзовке фотография?

Н.Л.: Да, это в Борзовке. И эта, и эта.

Н.Ф.: В лесу где-то вы там гуляете.

Н.Л.: А там лес прямо рядом был, здесь же.

Н.Ф.: Жалко, что этот дом сгорел. Какая-то странная история, что сгорел как-то...

Н.Л.: Вот, а это Игорь Евгеньевич Аничков. Он вместе с Лихачевым был на Соловках, вот, но...

Н.Ф.: А там какая-то кукуруза, что ли, он на фоне кукурузы, каких-то посадок, каких-то непонятных, то ли виноград...

Н.Л.: Это, наверное, они приезжали и жили там же, где и мы, где-то тоже на Западной Украине, я уже сейчас не помню. *(Читает подпись.)* «Ника на фоне кукурузы». Да, Закарпатье. Но вы это даже, может быть, знаете, у нее отец его был довольно известный в эмиграции, он в Чехословакии профессором был.

Н.Ф.: Нет, фамилия очень известная...

Н.Л.: Евгений Аничков. Ну, он потом вернулся из Соловков, и потом его, по-моему, не сажали больше. А это мое семейство все. Здесь еще Николай Иванович где-то.

Н.Ф.: Хорошая фотография вот эта.

Н.Л.: Это 46-й год, перед поступлением в университет, а Иван уже учится в Двинске.

Н.Ф.: Он из Двинска потом перешел в Ленинградский...

Н.Л.: Кончил Двинский и...

Н.Ф.: А, да, да, то был техникум...

Н.Л.: ...техникум, и имел право на поступление в институт. А это Иван уже после возвращения, это уже на даче нашей...

Н.Ф.: Понятно.

(Листают альбом.)

Н.Ф.: Давайте, я подержу. А это фотографии из дел...

Н.Л.: Да, да, да, привозили... нам специально привозил...

Н.Ф.: Медведев?

Н.Л.: Я не знаю, какой-то их гэбэшников...

Н.Ф.: А, из гэбэшников?

Н.Л.: Дело-то прислали из Питера...

Н.Ф.: Это ваш папа вон там?

Н.Л.: Да. Дело прислали из Питера, и я ходила читать его в очень неприметный домик прямо напротив Пушкинского музея. Не имени Пушкина, а Пушкинского музея в Хрущевском переулке, угол переулка и Пречистенки. Там такой домик, двухэтажный особнячок уютненький. И к нему нелепо так, как теперь делают, пристроена лесенка, чтобы войти. Не так, как раньше: въезжали во двор, парадный ход...

Н.Ф.: Сбоку, прямо в окно как бы.

Н.Л.: Ни вывески тебе, ничего. Входишь — прямо лестница. А навстречу — сидит: «Куда и что?» Говоришь ему, что вот пришла читать такое-то дело. Ну, и вот, говорит: «Поднимитесь туда...» Вот, я туда как на работу ходила, читала.

Н.Ф.: Это уже в 90-е?

Н.Л.: Наверное.

Н.Ф.: Наверное, да. И это вы пересняли, да, вот эти фотографии?

Н.Л.: Это мне Дима переснял, Наташин муж. Я и не умела бы и не могла.

Н.Ф.: Может быть, они там отдают какие-то... А Николай Иванович это тоже был?..

Н.Л.: Николай Иванович это кто-то мне подарил.

Н.Ф.: Да. Там те фотографии довольно поздние. Здесь он...

Н.Л.: Его арестовали, а это сразу же, как арестовали, сразу же они фотографировали. Это фотографии середины 30-х годов.

Н.Ф.: То есть это, соответственно, спустя шесть лет, там он выглядит очень таким...

Н.Л.: Да.

Н.Ф.: ...изможденным.

Н.Л.: А может, это фотографировали уже в Златоусте, не знаю, не знаю. А это... Не знаю, знаете вы эту фамилию Бориса

Георгиевича Меньшагина?

Борис Георгиевич Меньшагин (1902—1984). Арестован в 1945 г. Одиночное заключение на Лубянке, во Владимире. Освобожден в 1970 г. Фото через десять лет после освобождения.
Архив Н.Г. Левитской

Н.Ф.: Да, да-да, знаю.

Н.Л.: Он у нас же жил в течение многих лет, еще при Милюевне, а потом...

Н.Ф.: Это, это он с...

Н.Л.: С Наталией Милюевной на крылечке дачи, которую мы специально снимали так, чтобы была отдельная комната, где он мог бы жить. Вот это вот одна из первых фотографий, когда он, видите, совершенно пустые, отсутствующие глаза.

Н.Ф.: А это тоже он в молодости.

Н.Л.: А это он молодой с женой.

Н.Ф.: А жена его... Какая судьба у его жены?

Н.Л.: Они тогда уехали, жили в Америке. И она там и умерла.

Н.Ф.: А, его семья уехала.

Н.Л.: Да, и жена и дочь. И уехали они с такими Дьяковыми. И сначала никто ничего не знал, а потом, когда уже стало более или менее свободно... Дочь его вышла замуж за какого-то украинца, который категорически запретил ей всякие связи с Россией и с отцом тоже. И он переписывался только с Дьяковым. Дьяков — это был его сослуживец по смоленской... где он был бургомистром, а Дьяков там тоже был каким-то служащим. Потом немцы этого Дьякова посадили по какому-то поводу, отправили в лагерь. И Борис Георгиевич буквально спас его от расстрела. И если не расстрел, то в этом лагере... а из этого лагеря живыми не выходили. И Дьяков поэтому чувствовал... Дьяков он или не Дьяков, я уже сейчас не помню... Он чувствовал себя обязанным, и поэтому он вывез жену, семью Бориса Георгиевича и там их всячески опекал...

Н.Ф.: А как же он... То есть они его освободили, и он стал при немцах... он его освободил... свободным и сумел, вот, иммигрировать, организовать отъезд?

Н.Л.: Да-да-да-да, он сумел... он сумел... они его освободили... Ведь они так: если освобождали, то уже тогда, пожалуйста, можешь работать, где хочешь. И он, по-видимому, с Борисом Георгиевичем ушел сначала в Бобруйск, а потом в Германии они оказались и из Германии Борис Георгиевич ушел... или его немцы, я уже сейчас не помню этой точно хронологии. Вот всяком случае, Дьяков как был у американцев, так и остался у американцев, а Борис Георгиевич пошел искать свою семью, а в это место, которое было под американцами, уже пришли наши. И поэтому он... И он именно сознательно пошел сдаваться, потому что семья-то здесь, он считал.

Н.Ф.: А как же Дьяков-то вывез семью?

Н.Л.: Ну, он не знал... не знал, что Борис Георгиевич вернется. Борис Георгиевич был у американцев в лагерекаком-то. Ну, а потом они его отпустили, а когда он пришел в это место... Когда-то помнила, это все где-то написано...

Н.Ф.: Да. У него воспоминания же есть. У меня они были, но я потом кому-то подарил их.

Н.Л.: У меня есть, у меня есть, рыжая книжечка такая².

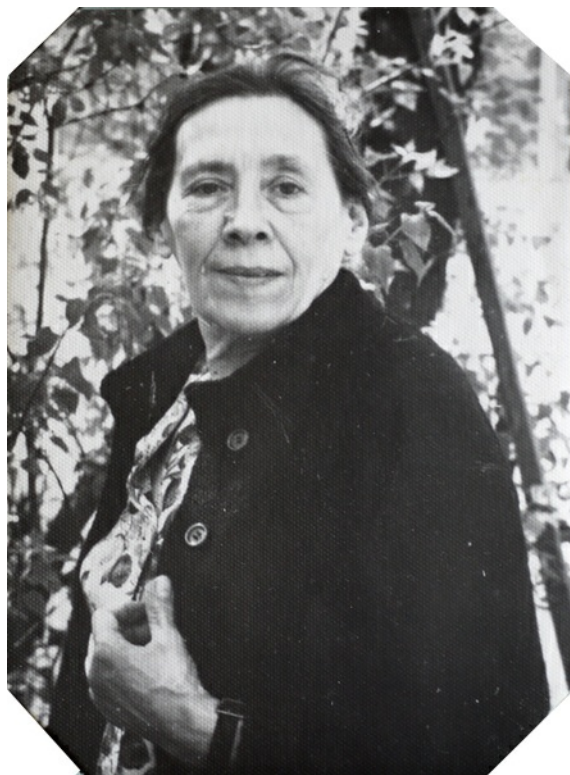
² См. Меньшагин, Б.Г. Воспоминания: Смоленск... Катынь... Владимирская тюрьма... Paris: YMCA-Press, 1988.

Н.Ф.: Да-да-да.

Н.Л.: Так что можно посмотреть, как все это произошло, потому что он сам пришел и сдался. И они его шесть или семь лет держали на Лубянке следственным. Когда шел Нюрнбергский процесс и там его заместитель Базилевский плел бог знает что и говорил, что это все со слов Бориса Георгиевича, а Борис Георгиевич сидел у них на Лубянке, а они делали «голубые глаза», что они не знают, где он.

Н.Ф.: Где он, да-да. А вот где-то здесь Зарицкая... Зарецкая... Зарицкая.

Н.Л.: Зарицкая это украинская националистка. Уй, такая, такая очень сильная.

Екатерина Мироновна Зарицкая. Арестована в конце войны. Осуждена на 25 лет. Владимирская тюрьма. Освобождена в 1969 (7). Архив Н.Г. Левитской

Н.Ф.: Вот эта, да?

Н.Л.: Да. А это Гусяк.

Дарья Юрьевна Гусак. Арестована в конце войны. Осуждена на 25 лет. Освобождена в 1969 г. (?). Архив Н.Г. Левитской

Н.Ф.: Они вместе сидели.

Н.Л.: Они... Да, эти сидели вместе. И на Лубянке они разносили еду.

Н.Ф.: Во Владимирской тюрьме, скорее.

Н.Л.: Да, именно во Владимирской, да, скорее во Владимирской тюрьме они разносили еду и, в частности, и Борису Георгиевичу [Меньшагину].

Н.Ф.: И подружился с ним.

Н.Л.: И таким макаром они каким-то образом все-таки с ним подружился. Поэтому когда он освободился, и стало известно, где он, а стало известно через «Хронику». И вот когда мы в первый раз в «Хронике» это прочитали... Милюева, она очень была быстрая на писание, она сразу же ему и написала.

Н.Ф.: О нем узнали, о его судьбе.

Н.Л.: Да, и куда, куда его послали и где он. Милюева ему туда написала и пригласила. И на следующий год мы уже никуда не ехали, потому что она плохо себя чувствовала, и специально сняли дачу так, чтобы одна комната была большая, а другая маленькая для него.

Н.Ф.: И Зарицкая к вам приезжала...

Н.Л.: Нет, Зарицкую я не видела никогда...

Н.Ф.: Но они переписывались с ним?

Н.Л.: А он ездил туда к ним.

Н.Ф.: А, это он вам эту фотографию передал?

Н.Л.: Не знаю, кто передал фотографию, но во всяком случае каждый год он, когда приезжал к нам, он сколько-то времени жил у нас, потом ехал в Ростов-на-Дону — у него там была какая-то связь, я даже долгое время переписывалась с этой женщиной. Потом ехал туда, где жила Зарицкая...

Н.Ф.: И Гусак.

Н.Л.: ...и Гусак. А их не пускали...

Н.Ф.: На Украину.

Н.Л.: В этот, на Западную, во Львов не пускали.

Н.Ф.: Ну, видимо, как-то... У меня есть фотография ее во Львове. А интересно, когда вот это снято?

Н.Л.: Не могу вам сказать, не могу сказать.

Н.Ф.: «Миροнова-Зарицкая».

Н.Л.: Вот она, <нрзб.>, что живет в Волочиске.

Н.Ф.: Волочиск — это какое то, какое-то...

Н.Л.: На границе маленькое местечко. Да, а потом Борис Георгиевич ездил еще к архиепископу волгоградскому, когда тот его нашел. И он его приглашал каждый год. Вот это замечательный человек. Ну, вы читали это «Полжизни»³?

³ См. Витковский Д.П. Полжизни // Знамя. 1991. №6.

Н.Ф.: Да-да.

Н.Л.: Вот это... нас Юрочка познакомил, Юра Вомпе познакомил нас с ним.

Н.Ф.: Кто познакомил, Юра?

Н.Л.: Такой Юра Вомпе, приятель наш.

Н.Ф.: А вот какие-то могилы.

Н.Л.: Это Витковские всё.

Архив Н.Г. Левитской

Н.Ф.: А где, где они похоронены?

Н.Л.: Не знаю, не знаю, не буду врать, а теперь даже и не знаю, можно ли у кого-нибудь узнать, потому что у него осталась вдова, но она уже умерла, а дочка их живет сейчас в Англии.

Н.Ф.: А это Осеннов, да, вот этот?...

Н.Л.: Осённов.

Н.Ф.: Осённов, вот этот вот, с собачкой?

Н.Л.: Да-да, вот они все, и этот тоже. И вот Борис Георгиевич, тут еще один чудик такой, помощник Александра Исаевича.

Н.Ф.: Кто это такой?

Н.Л.: ...чудик.

Н.Ф.: Фамилия Чудик? (*Смеется.*) Или это вы его так зовете?

Н.Л.: Его фамилия та, на которой Россия стоит, — он Иванов.

С.И. Осёнов, Николай Павлович Иванов, В.Г. Меньшагин, Н.М. Аничкова на даче под Новым Иерусалимом. Начало 1970-х гг. Архив Н.Г. Левитской

Н.Ф.: Иванов? Да, хорошее лицо очень, симпатичное.

Н.Л.: Да. А с этим *(смеется)* мы познакомились, когда ездили на Север и потом по старым вологодским каналам проехали в последний год, что они еще действовали. И Милюева с ним вела баталии по поводу «Ивана Денисовича», потому что он сам сидел и очень не любил таких вот работяг. Он был из тех людей, которые считали, что надо писать об интеллигентах и еще там что-то. Ну вот, они там с Милюевой ругались до крика. А потом он все-таки принял нашу веру, *(смеется)* помогал нам.

Н.Ф.: Переубедили, понятно.

Н.Л.: Помогал. И Александру Исаевичу...

Н.Ф.: Да, он упомянут, среди «невидимок» вот этих упоминается, да.

Н.Л.: Да, да-да-да. Он устроил ему ночлег в Новочеркасске.

Н.Ф.: Но там, в Новочеркасске, как-то все это было...

Н.Л.: Откуда, да, откуда ему пришлось...

Н.Ф.: А вот расскажите еще про Витковского. Ведь Витковского тоже очень Александр Исаевич ценил и собирался с ним...

Н.Л.: Да, это все у нас произошло, они у нас сидели, а потом Витковский говорил ему: «Ну, Александр Исаевич слишком напористый, ему надо, чтобы все решать сейчас и сразу. И слишком деловой». А Дмитрию Петровичу это не нравилось.

Н.Ф.: А он какой подход?.. Он просто как-то опасался или?..

Н.Л.: Нет, нет-нет-нет, ну вот, именно подход такой, как ему казалось, дяляческий. А Александр Исаевич...

Н.Ф.: Он просто очень деловитый на самом деле.

Н.Л.: Да, да, да-да.

Н.Ф.: Он совершенно всяких не любил посторонних, разговоров.

Н.Л.: Ну да, и что всё сразу. Вот я говорю, что в первую встречу — и надо сразу здесь же и решить. И это он не захотел, не захотел.

Н.Ф.: А вот этого Иванова что-то он не упоминает среди помощников.

Н.Л.: Где-то есть, он пишет, что он «скинул» его на нас.

Н.Ф.: А! Ага, как такого чудака.

Н.Л.: Чудака, он все время что-то хотел что-то необыкновенное предпринимать, какие-то проекты, размножение «Архипелага ГУЛАГ», ну, а тогда это было совершенно невозможно, не было никаких возможностей. Ну, он именно чудик. Не переносил...

Жил в Одессе, не переносил украинцев. И трагедия его жизни была, что дочка его была украинофилкой, ну, девчонка. Вот. Ну, это, может быть, даже знаете Гарика Суперфина?

Н.Ф.: Ну да, я даже с ним переписываюсь по е-мейлу, лично его не знаю.

Н.Л.: Не знаете? Он же бывает здесь, в Москве почти каждый год! Но у него всегда так все...

Н.Ф.: Расписано, да. А как вы с ним познакомились, расскажите.

Н.Л.: С Гариком? Не знаю. Сто лет знакомы, а как я с ним познакомилась, я не знаю. А не Гарик ли к нам привел... Вера Ложкова, а может, и Гарик привели к нам Бориса Георгиевича. Они встречали его на вокзале и привели к нам. Вот сейчас написано в Мюнхене, а уже потом появились в Бремене.

Г.Г. Суперфин. Арестован в 1970-х гг.: лагерь — ссылка в Казахстан — ограничения в прописке. Архив Н.Г. Левитской

Н.Ф.: В Бремен переехали, да-да. А Ложкова тоже с вами как-то дружила, да?

Н.Л.: Ну, да, да-да.

Н.Ф.: И она что-то делала для?... Она же была машинистка, насколько я помню?

Н.Л.: Машинисткой была и шофером.

Н.Ф.: И что-то делала тоже для Александра Исаевича, перепечатывала?

Н.Л.: Да, но Александр Исаевич же никогда не говорил, кто что для него делает.

Н.Ф.: Ну, многое через Милювну шло.

Н.Л.: Делает — и все. Нет, это... Вера сама по себе была, это такая дикая кошка была. Она, когда же ее выслали... Ее же здесь лишили квартиры!

Н.Ф.: Я этого не знал.

Н.Л.: Ой, господи! Она жила прямо где-то на Пречистенке, напротив Дома ученых, в коммунальной квартире. Ее все вполне устраивало. Я уже не помню, какой они финт сделали, власти наши, но... что она там не ночует, дома, что еще что-то, ну, в общем, бог знает чего там устроили. И выслали ее из Москвы. И она довольно долго была где-то в Тверской области... Что там?

Н.Ф.: Нет-нет, я смотрю на этот, на свою эту, на свою машинку.

Н.Л.: Вот, и работала там на какой-то грузовой, тяжелой грузовой машине. Вот такая...

Н.Ф.: Судьба, да.

Н.Л.: Но не работала... она же участвовала в этих самых, вот, когда на площадь выходили, она там тоже... Это один из расстрелянных, по-моему, он... нет, он у Александра Исаевича, это тоже Миливна давала.

Н.Ф. (*читает*): «Дорогому Васе на память. Рязань».

Н.Л.: 13-й год. Он актером был.

Н.Ф.: Это Покровский.

Н.Л.: Да. Но это было все до «моей эры», так что я не могла его знать. А это опять Василий Андрианович Касьянов. Вру, вру, это Василий Андрианович... Василий... нет, правильно, Василий, офицер царской армии, да-да, именно он... Тетя Надя носила ему — это Миливна ближайшая тетушка, любимая, к ней мы и возвращались в Питер, как приехали, и вот она носила ему передачи на Шпалерную.

Н.Ф.: А... Юрьев?

Н.Л.: А это Юрьев, это отец академика теперешнего.

Н.Ф.: А, да, известного, известного.

Н.Л.: Да, генетика.

Н.Ф.: Генетика, да-да. Он тоже сидел.

Н.Л.: Он был расстрелян, а жена его была сослана. И вот этот, как в семье его называли Гога — Георгиев, — он воспитывался у бабушки с дедушкой.

Н.Ф.: Понятно.

Н.Л.: И он не мог... Он хотел сразу поступить на биологический, но тогда вот эта вся была заваруха со всем...

Н.Ф.: С лысенковцами.

Н.Л.: ...с лысенковскими делами, и он по протекции одного из родственников, Владимира Ивановича Крисмана, поступил, кончил медицинский. Ну, а потом стал заниматься биологией как полегчало.

Н.Ф.: Понятно. Да, замечательно, спасибо большое. Вот мы исчерпали все странички.

Н.Л.: Да, так что вам хватило...(*Смеется*.)

(*Перерыв в записи.*)

Семейный альбом

Н.Ф.: А кто такой Е.М. Кузьмин?

Н.Л.: Это мой дед.

Н.Ф.: Подождите, это он?..

Н.Л.: Это все он же

Н.Ф.: Он же.

Н.Л.: А там его эта...

Н.Ф.: А то я как-то...

Н.Л.: ...бабушка.

Н.Ф.: Это он же вот.

Н.Л.: И это он же.

Н.Ф.: То есть он в 30-е... довольно поздно умер?

Н.Л.: Он умер во время войны. И он есть во всех украинских энциклопедиях. Но это я, к сожалению, узнала...

Н.Ф.: Уже после.

Н.Л.: ...после того, как я отдала это в Питере. Это мама маленькая.

Н.Ф.: Где мама маленькая? Вот, вот, с мишкой, да?

Н.Л.: Наверное, да-да-да.

Н.Ф.: «Наташа и Левы Кузьмины».

Н.Л.: И вот это вот хорошая фотография.

Н.Ф.: А это дом.

Киев, Б. Владимирская, 9. Дом, где жили Леля, Катя и Юра Болдырь — племянники Кузьминых. Архив Н.Г. Левитской

Н.Л.: Что там, на Большой Владимирской, Большая Владимирская.

Н.Ф.: Да-да-да.

Н.Л. (*смеется*): Это необыкновенный дом. Этот дом принадлежал бабушкиной сестре, и там жило все ее семейство. Он находился в самом начале Владимирской улицы. И под конец, в советское время, там жили трое: две сестры и брат. И старшая сестра всегда там держала корову, пасла ее на Андреевском спуске.

Н.Ф.: Замечательно!

Н.Л. (*смеется*): И так говорила: «Я не могу без коровы».

Н.Ф.: А почему она не могла без коровы? Просто у нее... откуда?..

Н.Л.: Она выросла в имении, отец их был управляющим каким-то большим имением, и они там жили.

Н.Ф.: Ну, вообще-то это довольно хлопотная вещь. Сейчас многие отказываются...

Н.Л.: Ну, сейчас! А это было в 20-е — 30-е годы. Но 30-е годы — это я еще помню.

Н.Ф.: Корову.

Н.Л.: Корову, хлев.

Н.Ф.: Это, видимо, оттиски, да, здесь оттиски?

Н.Л.: Да, да-да-да-да. Огромное количество. Все сгорело.

Н.Ф.: Вот это известная фотография, только кто сидит — не понятно.

Н.Л.: Ой!... Я почти никого и не знаю... Нет, никого я вам здесь не смогу опознать. Вот это Матвеева, по-моему, вот эта.

Н.Ф.: Тут сказано: «Матвеева, Савченко, Петров». А вот здесь, видимо, этот же Петров, видимо, похож. Немножко другая челка, но...

Н.Л.: А вот это...

Н.Ф.: Это... это дом, где вы... Не где вы жили?

Н.Л.: Это еще на Павловском шоссе, 13, да?

Н.Ф.: Да, здесь... Нет, вот здесь... Вот Павловское шоссе, 13.

Н.Л.: Вот это Павловское шоссе, 13. И это, это то же самое, лаборатория.

Здание лаборатории ВИРа в Детском Селе (г. Пушкин), Павловское шоссе, 13. Бывшая дача полковника Куриса. Архив Н.Г. Левитской

Н.Ф.: Это Детское Село, но это...

Н.Л.: Это Детское Село... Это все в Детском Селе. Это тоже известная фотография. Она опубликована где-то. Это... это... Тут, на вашем... то есть это 25-й год. Написано: «Всесоюзный съезд ботаников». Как интересно, какая прекрасная фотография, просто прекрасная фотография.

Н.Л.: Навашина я еще помню.

Н.Ф.: Комарницкий. Комарницкий. Ну, все тут. Так. Здесь какая-то конструкция сложная, я не берусь ее... А просто там, вот это вот, зацепилось. Так.

Н.Л.: Вот это Юсуповский дворец.

Н.Ф.: А там что было?

Н.Л.: Там была мукомольная лаборатория. (Смеется.) Сейчас его реставрируют.

«Юсуповский дом» на Павловском шоссе напротив лабораторий в доме номер 13. Здесь в 1930-х была ВИРовская «мукомолка», которой заведовал Чинго-Чингас, арестованный в 1933 г. и осужденный на 5 лет лагерей. Архив Н.Г. Левитской

Н.Ф.: Так, сейчас это, вот, фотографирую... Сейчас чуть-чуть еще раз. Да, вон легко узнать Кольцова.

Н.Л.: Да, и тут где-то и папа и Рыбин есть...

Н.Ф.: Да, вот здесь «Карпетченко... Карпенченко, Рыбин, Розанова, Левицкий». Это надо рассматривать, видимо...

Н.Л.: Вот они. Нет...

Н.Ф.: Нет, где-то вот здесь. Здесь надо рассматривать...

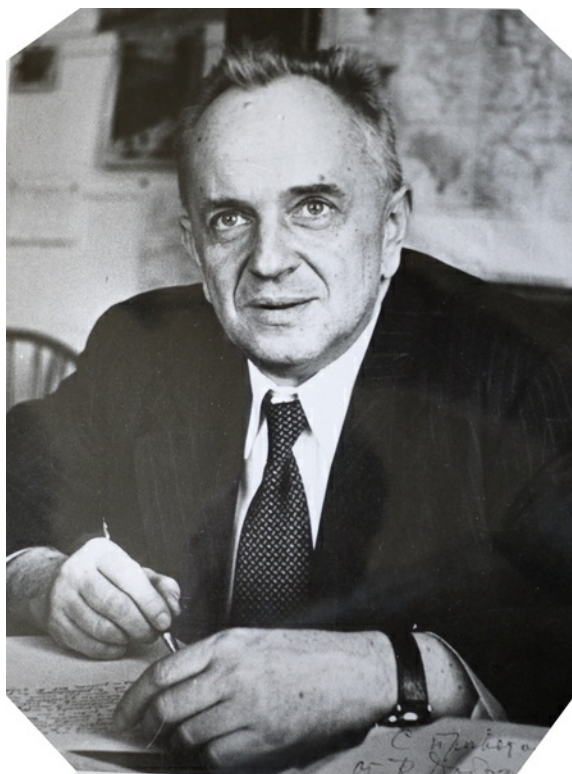
Н.Л.: Ну, Рыбин.

Н.Ф.: Здесь надо рассматривать так это...

Н.Л.: Это вот тогда же снято... Добржанский.

Н.Ф.: Добржанский, да, хорошая фотография. А здесь написано: «От Добржанского... С приветом от Добржанского». Это вам он подарил?

Н.Л.: Нет!

Феодосий Григорьевич Добржанский. Архив Н.Г. Левитской

Н.Л.: Вот это вот Сизова, она у папы работала, а муж ее был парторгом... Про нее: мы жили рядом, они жили над нами. И у них была девочка Нина, которая была именно такая... между мной и Иваном, что-то, в таком возрасте. И они подсылали свою няньку к нашей няньке, чтобы узнать, чем кормят Ивана, почему он такой...

Н.Ф.: Здоровый.

Н.Л.: ...здоровый, а у них девочка никак не может выздороветь. И нянька сказала: «Так наш же хрещеный!»

Н.Ф.: Хрещенный, да. «Катя Болдырь».

Екатерина Дионисьевна Болдырь. Архив Н.Г. Левитской

Н.Л.: Это вот тетка, дочь которой сейчас в Дивеевом монастыре.

Н.Ф.: А, подождите, а вот те... та ваша тетя, к которой вы приезжали...

Н.Л.: В Питер.

Н.Ф.: ...в Питер. Это она как раз.

Н.Л.: Вот, вот. Но это она молодая.

Н.Ф.: А это вот...

Н.Л.: А вот это вот... Вот я пишу: «Добрый ангел нашей семьи, друг бабушки, дедушки, мамы, Татьяны...» Это, вот, совершенно замечательный человек. Она посылала посылки нам всем троим: и маме, и мне и Ивану.

«Добрый ангел нашей семьи, друг бабушки, дедушки, мамы — Татьяна Борисовна Букреева — «Разбойник». Архив Н.Г. Левитской

Н.Ф.: В лагерь? А Шпонька — это что за существо такое?...

Н.Л.: Это пес, который, когда я родилась, то, по преданию, он решил со мной познакомиться: залез ко мне в постельку, был оттуда выдворен, очень обиделся и ушел на Владимирскую.

Н.Ф.: Конечно, нелегко было, по лицу вашего папы видно, как нелегко было жить в те времена. Такой он жизнерадостный, веселый там, на фотографиях, начала... Так, а это?

Н.Л.: Это Никольская пустынь, одно из первых мест, которые я помню. И мы там с Иваном буквально злодействовали: мы закапывали лягушек в песок.

Н.Ф.: Что закапывали?

Н.Л.: Закапывали лягушек в песок.

Н.Ф.: А! Это вы вдвоем.

Н.Л.: Это классический Иван. *(Смеется.)*

Н.Ф.: Это вы вдвоем?

Н.Л.: Да. Вот Ира Авдулова — это падчерица Николая Ивановича, этого... Вот эти фотографии, маленькие, вот эта, еще там какие-то, это мама называла «ЗЗ уроды». Вот видите, они частично порезаны, ребятишки их... развлекались.

Н.Ф.: Это она сохранила все то, что вы вывезли... А вот вы.

Н.Л. смеется.

Н.Ф.: Хорошая. Это с бабушкой, да?

Н.Л.: А эту не сфотографировали?

Н.Ф.: Сфотографировал, да. Сейчас сфотографировал очень хорошую. А вон там вот одна... тут вот есть какие-то хорошие. Вот хорошая фотография тоже.

Н.Л.: Тоже обрезана потому что...

Н.Ф.: Вот эта, да?

Н.Л.: Ну да, и вот, видите, вот там даже ретуширована сколько-то. А вот это брат и сестра его... И вот, он погиб в Ленинграде...

Н.Ф.: Отца или... Нет, это...

Н.Л.: Вот это Катя Болдырь...

Н.Ф.: Это Катенька — это... это, да, это сестра.

Н.Л.: А это Юра Болдырь. Они похоронены на Шуваловском кладбище, он похоронен на Шуваловском кладбище. И погиб он идиотским образом. Когда кончилась война... У него всю войну была бронь: он работал каким-то крупным инженером на «Светлане», завод так называется, «Светлана». И сняли бронь, послали в Германию ремонтировать заводы. И 6-го числа они возвращались... 6-го ноября они возвращались... он возвращался назад.

Н.Ф.: Это бабушка?...

Н.Л.: Мамина, Елизавета Михайловна.

Н.Ф.: Да, и что, и как?

Н.Л.: Да, и летчикам уже в воздухе приказано было лететь не в Москву, а в Ригу, потому что в Москве нелетная погода. А они все были москвичи, военные, летчики, которым вода по колено, море по колено. И полетели в Москву. 6-е число, 6-е ноября, все начальство на торжественном собрании. И их не принимают. Не принимают, и не принимают, и не принимают и в конце концов они израсходовали весь ресурс...

Н.Ф.: (Да. А не надо, не надо так, а то там тень. Да-да.)

Н.Л.: ...и начали падать.

Н.Ф.: Ужас какой!

Н.Л.: И все три самолета упали под Москвой. В одном из них был Юра Болдырь. Да, а командовал этим всем, они были в подчинении, эти самолеты, у Васьки Сталина. И, значит, там, по-видимому, кого-то постреляли, кого-то что, но людей-то ведь не...

Н.Ф.: Да, не... не спасешь, не оживишь.

Н.Л.: Так вот.

Н.Ф.: «У Вани корь»... Да.

У Вани корь. Архив Н.Г. Левитской

Н.Л.: Вот я говорю, я ездила в Питер, я каждый раз туда ездила, на это Шуваловское кладбище. Одно из самых красивых. Оно высоко-высоко и спускается такими уступами к озеру.

Н.Ф.: А вот очень хорошая фотография, это уже родители.

Н.Л.: А что это не туда попало? Кто-то уже тут поработал.

Н.Ф.: А ваша мама была моложе отца, да?..

Н.Л.: На двадцать лет.

Н.Ф.: На двадцать лет. Она была его ученицей, да? Как-то это так...

Н.Л.: Да. Она... Он читал лекции в Высших сельскохозяйственных курсах. И училась мама в одной группе с Трофимом Денисовичем Лысенко.

Н.Ф.: О, как повезло! В кавычках.

(Смеются.)

Н.Л.: А он был тогда... Российской мови он не розумів, и ведал там, главным образом, распределением сала и еще чего-то... Тогда же все распределялось... Надо будет мне посмотреть, все перепуталось, вот эти листы.

Н.Ф.: Лашкарёв... это, это, это тоже генетик, да?

Н.Л.: Нет, он физик-атомщик, причем из тех, кто начинал все это. И когда должен был быть конгресс вот этих самых атомщиков где-то за границей, и их было всего семь человек, которые были приглашены. И он среди них. Ну, и его на всякий случай посадили. По-моему, сослали его... он где-то был, по-моему, в Мурманске или здесь, а родителей сослали в Казахстан.

Н.Ф.: А он каким-то родственником вам приходился?

Н.Л.: Нет, он был большим другом вот этого Юры Болдыря. И они к нам постоянно приезжали.

Н.Ф.: Какая хорошая фотография! Здесь уже можно узнать.

Н.Л.: А, это не надо.

Н.Ф.: А ваш, ваш спаниельчик сохранился на фотографиях, тот самый знаменитый спаниельчик, который пропал?

Н.Л.: Нет, нет, нет. А это вообще не...

Н.Ф.: Нет, почему, вот как раз здесь Ваня и вы.

Н.Л.: А, ну да, пускай будет, пускай будет.

Н.Ф.: А вот здесь вот... куда-то вы ездили.

Н.Л.: Да, это...

Н.Ф.: А вот это вот вы держите в руках, это?..

Н.Л.: Это Даша.

Н.Ф.: Это Даша, должно быть?

Н.Л.: Даша, да. <нрзб>. Такая Печора. Нижний... Нижний Буг на севере, то есть Южный Буг. Вот нижняя часть его, и вот отсюда папа ездил в Одессу к Трофиму.

Н.Ф.: А зачем к нему?

Н.Л.: А, смотрел...

Н.Ф.: Смотрел.

Н.Л.: А тогда было мирно и хорошо, и он просто хотел честно посмотреть, что...

Н.Ф.: Что там такое, да?

Н.Л.: ...что там такое, да.

Н.Ф.: Потому что Трофим уже тогда «открытия» делал?

Н.Л.: Якобы открытия, вот папа поехал смотреть.

Н.Ф.: Но, говорят, что яровизация, это совершенно... ну, это действительно существующая вещь, до него, вообще, давно...

Н.Л.: Десять раз делали.

Н.Ф.: ...десять раз, да, открыто было. Но он это все преподносил как «перевоспитание».

Н.Л.: Нет, но, а это-то чего фотографировать?

Н.Ф.: Нет, ну... я... я не знаю, какую. Мы... конечно, не все там будет. Сколько вы все-таки вынесли! Это же все на себе несли! Вот, вот эта вот красивая фотография с Лениным, Сталиным здесь...

Н.Л.: Да, и это первая учительница моя.

1935/1936-й учебный год. 3 класс 1-й школы г. Пушкина. Архив Н.Г. Левитской

Н.Ф.: В центре? (*Читает.*) Николаева. А где вы?... Я какой-то... (*смеясь*) мне кажется, я гораздо меньше альбом смотрел, а это такой!...

Н.Л.: Что?

Н.Ф.: Мне кажется, что я смотрел... Вы мне показывали детские фотографии, но, может быть, мы его до конца не посмотрели, потому что это вот тут уже со знаменами... что-то такое...

Н.Л.: Ну, тут уж ни к чему...

Н.Ф.: Да это предвоенная такая жизнь, 38-й.... О, вот это вот... чтоб знать тоже... надпись... Вот это известная фотография... так. «Ваня, 36-й». А ваш отец не был женат до вашей мамы?

Н.Л.: Мне, во всяком случае...

Н.Ф.: Неизвестно.

Н.Л.: ...это не известно. (*Смеется.*)

Н.Ф.: Вот это замечательная фотография! Прекрасная просто!

Н.Л.: А вот это вот вдова Навашина.

Любовь Савельевна Навашина. Архив Н.Г. Левитской

Н.Ф.: Потомки Навашина где-то в Переделкине живут, по-моему, да?

Н.Л.: Понятия не имею. Я знаю, в Питере был Михаил, как говорилось, Мишка Навашин.

Н.Ф.: Понятно. Замечательно.

Н.Л.: Но он, между прочим, хорошую мне характеристику написал, чтобы я... папе хорошую характеристику, чтобы его реабилитировали.

Н.Ф.: А он же не был осужден, ваш папа, как его могли реабилитировать? Суда же не было!

Н.Л.: Вы спросите...(смеется) ваше начальство, не у меня же!

Н.Ф.: Какого «вашего»? (Смеются.) Какое «ваше начальство» — наше начальство тогда уже! Нет, но на самом деле они дали ему орден «Трудового Красного знамени», потому что он не был осужден.

Н.Л.: Потому что они лапти, потому что они (смеется) пропустили это. Потом, наверное, кого-нибудь взгрили.

Н.Ф.: Взгрили... А почему «разбойник»... Букреев?

Н.Л.: Ну, это прозвище такое было. Вот это Татьяна Константиновна, та самая, которая нам посылала посылки везде всем троим.

Н.Ф.: Вот, 41-й, это замечательно... А почему тут зачеркнуто «Бугрова» и написано «Трувиль»?

В Детском селе 1927/1928 г. Куча мала: Ольга Филипповна Багрова — «Трувиль», бабушка, папа с Надей, мама с Ваней. Архив Н.Г. Левитской

Н.Л.: А это не зачеркнуто... ну, не знаю, Трувиль — тоже вот так вот ее звали.

Н.Ф.: Прозвище... (фотографирует). То есть его угнали, он там погиб, да, Сережа Грюнер?

Архив Н.Г. Левитской

Н.Л.: Не угнали, он мальчиком был, вот таким вот и погиб. Он выпал из железнодорожного вагона.

Н.Ф.: Во время войны? Они туда уехали...

Н.Л.: Ну да, они с немцами уже... Отец-то был Грюнер.

Н.Ф.: Это сестра, Екатерина Дионисовна. Нет-нет-нет, я путаю, нет. Это... это кто?

Н.Л.: Катя Болдырь, Катя Болдырь.

Е.Д. Болдырь. Архив Н.Г. Левитской

Н.Ф.: «Маша Петрушевская, в шапках».

Н.Л.: А Петрушевская потому что она...

Н.Ф.: Дочь Петрушевского.

Н.Л.: ...была... Катя Болдырь была женой... за Петрушевским... Ну, это не надо!

Н.Ф.: Нет, не надо, это я просто, просто подумал...

Н.Л.: А вот это как раз...

Н.Ф.: Это вот дом, да? (фотографирует)

Н.Л.: Да, сейчас разваливается этот дом, смотреть прямо невозможно...

Н.Ф.: А, здесь подклеено, так что, к сожалению... Это ваш дом как раз, да?

Н.Л.: Это лаборатория.

Н.Ф.: Нет, а жили вы в каком?

Н.Л.: Жили мы совсем в другом.

Н.Ф.: В другом, да? Это лаборатория.

Н.Л.: В Павловском, 13.

Н.Ф.: А вот эта фотография, то, что я... Это вы уже после...

Н.Л.: Это в университете.

Н.Ф.: В университете.

Н.Л.: В 48-м году.

Н.Ф.: «Миля Черноглаз нашлась из детства».

Архив Н.Г. Левитской

Н.Л.: Да. И вот она... Последнее, что я знаю, я переписывалась с ней, когда она была в Израиле. А сейчас я не знаю, надо мне позвонить ее сестре — сестра ее здесь живет, узнать. А брат ее был... сидел по «самолетному делу». Вот, Таисия из-за меня пострадала, потому что когда меня посадили, ее там тягали по всяким партийным и прочим линиям, что как она смеет со мной поддерживать отношения, а она...

Н.Ф.: «Марксина Нейкшнет, Тая Гринфельд, Надя Левицкая». Так это педагогическая практика в школе. А вот, вот это вот надо сфотографировать, бравый такой! (*Фотографирует.*)

Н.Л.: Вот над этой фотографией мама плакала.

Н.Ф.: Да.

Н.Л.: То... шея тонкая!

Н.Ф.: Такой напряженный взгляд!

Н.Л.: Голодный!

Н.Ф.: Вот это ваша мама, да?

Н.Л.: Угу...

Н.Ф.: Уже после войны. «Зина-стукачка».

Н.Л.: Угу.

Н.Ф.: «Дуся, сохранившая альбом фотографий», вот эта вот.

Н.Л.: Да, санитарка. А та была тоже лаборанткой, как и мама.

Н.Ф.: Вот эта внизу, да, то есть вот эта вот?

Н.Л.: Это Дуся.

Н.Ф.: Дуся.

Н.Л.: А это вот... вот эта стукачка.

Н.Ф.: (*фотографирует*) Ой-ой-ой... Вот хорошая.

Н.Л.: Это вот были годы в библиотеке...

Н.Ф.: Счастливые. Здесь какие-то... А это кто?

Н.Л.: Это вот Катя, Катя Болдырь.

Н.Ф.: Катя Болдырь?

Н.Л.: И вот она же... А вот это тоже замечательная личность, Нина Михайловна Звонок. Она маме носила передачи. Они жили в одной комнате.

Справа — Н.М. Звонок. Архив Н.Г. Левитской

Н.Ф.: Из Аргентины.

Н.Л.: Доктор биологических наук, не хухры-мухры, а сейчас какая-то, не знаю, кто там, в Дивееве. Бросила все: квартиру в Питере...

Н.Ф.: Ну, это уже Хабаровск.

Н.Л.: Это уже да.

Н.Ф.: Ну, это мы почти не обсуждали. Это надо спрашивать разрешение у Наташи. Тут она такая маленькая. Это она, да, Наташа?

Н.Л.: Нет, это Колька...

Н.Ф.: Вот, похороны бабушки, вот это вот, может быть, как хоронили. *(фотографирует)* Все.

Н.Л.: И все.

Н.Ф.: Спасибо. Ну, спасибо большое!